

В тот год в начале июня до нашего дома, стоящего на окраине города, начал доноситься странный звук, похожий то ли на стон, то ли на зов о помощи. Он доносился из-за сосняка – небольшого лесного массива. Особенно по утрам было отчетливо слышно:

– Уа-а-у! – небольшая пауза и опять, – уа-а-у!

Я знал: в стороне, откуда доносился крик, есть озерцо – случайно набрёл на него как-то весной, кружа по лесу в поисках подснежников. Потом приходил туда ещё несколько раз. Просто так. Любовался скрытым от алчных глаз уголком земли. В середине лета неглубокое прозрачное озерцо зарастало по краям камышом-щучьей травкой и кувшинками. Под прикрытием ивняка я тихо подкрадывался к самому камышу и, затаив дыхание, наблюдал, как несколько диких уток «нянчатся» со своими многочисленными выводками.

Неосторожное моё движение – треск ветки или «чавканье» са-

пога – вносило переполох в идиллическую сцену. Одна, а то и две кряквы срывались с места, кидались в сторону, отвлекая внимание на себя. До леса они летели на бреющем полете – в эту минуту им, наверное, чудились воронёные дула двустволок, – а у кромки леса круто взмывали вверх и, описав круг, поняв, что тревога ложная, с плеском плюхались в воду. И всё повторялось.

В конце лета утки перебирались на ближайшие старицы, на простор. Водный пятачок полностью затягивало зеленью, озерцо превращалось в болотце, но вода в нём почему-то никогда не зацветала, оставалась прозрачной. Раздвинув в стороны ряску длинной хворостиной, можно было часами с интересом наблюдать в образовавшемся окне суетливую жизнь водных букашек.

Мы родились и выросли в городе. В детстве никто не учил нас азбуке птичьих голосов. Услышав в лесу незнакомую птицу, я обычно стараюсь подкрасться поближе, рассмотреть певунью получше.

Иногда это удаётся, и, прийдя домой, долго листаю книги, энциклопедии, разыскивая по цветным иллюстрациям «фамилию» пернатой незнакомки.

Наверное, не только болезни, но и часть информации и идей передаются нам по наследству от предков. Иначе как объяснить: в первый раз увидел иволгу, и словно кто-то подсказал – иволга. Дома отыскал картинку в энциклопедии – она, иволга! И с зябликом такая же история была, и с коростелём.

Жалобный крик притягивал меня. Вздурораженная фантазия рисовала экзотическую птицу, занесённую воздушными течениями в наши суровые края. Представлялось, что это одинокая самка, она тоскует и, забыв об осторожности, надрывно кричит, зовёт, ждёт, страдает.

Я все собирался сходить на озерцо-болотце, которое к тому времени окрестил «Утиным приютом». Но работа, семья, огородные заботы, а потом ягодные и грибные походы не оставили свободного времени – не побывал.

В начале июля крик неожиданно прекратился. Я продолжал, проснувшись, вслушиваться по утрам, но, кроме режущих слух электровозных гудков с проходящей не вдалеке железной дороги, ничто не тревожило утреннюю благодать. Постепенно я напрочь забыл о странном крике.

Он возобновился примерно через месяц, в конце лета. С каждым днём крик, казалось, становился более жалобным и надрывным.

– Нет, надо обязательно побывать на «Утином приюте», – решил я. Душа моя вновь встрепе-

нулась. – Что будет делать птица в чужих краях зимой? Она по-прежнему одинока и, может быть, подранена. В эту же субботу пойду!

Но, странное дело, я вдруг с удивлением обнаружил, что по субботам и воскресеньям несчастная птица не кричит. Что за ерунда?

Крик всё больше интриговал меня, но среди рабочей недели идти на «Утиный приют» было абсолютно некогда, а по вечерам уже рано смеркалось.

Так, наверное, я никогда и не узнал бы «историю» таинственной птицы – уж лучше бы оно так и было! – если бы в одну из суббот конца августа не проснулся от ледящего душу «уа-а-у».

Через пятнадцать минут я уже топал болотными сапогами по знакомой лесной просеке к «Утиному приюту». В лесу тихо, влажно, прохладно. Крики всё ближе, отчётливее, судорогой пробегая по телу и шевелят волосы на затылке. В такие мгновения далёкий предок-вятич просыпается во мне, я вместе с ним снова, как в детстве, верю в лесные дива и нечистую силу.

– А это ведь леший кричит! – шепчет мне на ухо далёкий предок,

– Скажи ещё, что Баба-Яга, – ухмыляюсь я, но почему-то опять вздрагиваю от очередного таинственного лесного вопля.

Неожиданно крики прекратились. Я остановился, вслушиваясь в тишину: редкая пташка, пикнув или чирикнув, тревожит ветки деревьев, перелетая с места на место.

– А когда-то здесь по утрам стоял птичий гвалт, – подумалось вслух.

– Когда-то и реки наши кише-ли рыбой, – поддакнул мне предок и вздохнул, – всё было, да быльём поросло.

– Да-а, – снова вслух согласил-ся я. Разочарование нахлынуло на меня и выплеснулось наружу. – Какие там, к лешему, лешие, если даже зимой идёшь на лыжах в лес в одиночку, без ружья и волков не боишься! Вместо серых волков серые вороны сейчас самые страшные «звери» в лесной чаще. Болтали, правда, тут недавно, что будто бы медведь откуда-то забрёл в наши края – брехня!

Предок умер во мне. Настроение совсем испортилось, но не-удовлетворённое любопытство толкало вперёд.

Но что это? Будто кто-то рычит там, впереди. Медведь? На всякий случай нащупываю рукоять само-дельного ножа-косаря. И снова воображение срывается, как охот-ничья собака с поводка, и снова далёкий предок шепчет мне что-то предостерегающее. Иду вперёд осторожно, с оглядкой. Храбрюсь: «Неужели от медведя не убежу?!» Смеюсь над самим собой: «Толь-ко бы болотники успеть с ног ски-нуть!»

И только расслабился, как ду-шераздирающий крик, будто же-лезом – по железу, ударяет по не-рвам. Срываюсь на бег, выскаки-ваю на опушку и...

Огромная махина – бульдозер С-100 – утюжит дно бывшего озер-ца-болотца. Земля, кочки, кусты, деревья – все встало на дыбы.

И тут снова, прямо из-под гусе-ниц стальной хламины, вырывает-ся истошный птичий крик!

– Да что же он делает! Неуже-ли он не видит, что давит живое?! Бросаюсь наперерез. И снова из-под гусениц – истошный крик! –

Она ещё жива! – Ёжусь от прон-зительной боли, представив себя на её месте, в жерновах стальных траков.

Бульдозер взревел на холо-стых оборотах, встал как вко-панный. Из кабины, матюкаясь на меня, выскочил бульдозерист. Не слушая его, я бегаю вокруг машины, отыскивая останки раз-давленной птицы, и повторяю как шальной:

– Ты же раздавил её! Ты же раз-давил! Раздавил!

Бульдозерист побледнел и за-бегал за мной кругами, несвязно бормоча:

– Чо? Кого? Ты чо? Кого это?

Но на гусеницах не оказалось ни крови, ни других следов раз-давленной птицы – только пучки травы и сырые комья чёрной жир-ной земли. Я ничего не понимал. Бульдозерист тем временем при-шёл в себя и выгнул на меня могу-чую грудь:

– Ты чо, паря, чокнулся, что ли? Вали-ка отсюда! – И он снова загнул девятиэтажный мат. Я рети-ровался на край поляны, присел на уцелевшую кочку, по-прежнему не понимая: ведь я же слышал пред-смертный крик!

Бульдозерист легко заскочил в кабину, покосился на меня и привычно задвигал рычагами. Стальное чудовище взревело, земля дрогнула, попятилась и... Снова крик! Я вскочил. Бульдо-зерист глянул в мою сторону и красноречиво покрутил пальцем у виска.

И снова крик! Как железом – по железу, словно живое рвут попо-лам, и оно кричит!

Наконец, я всё понял. Этот звук издавал каток ходовой части бульдозера, давно не видевший смазки.

– Господи, зачем я сюда пришёл? – терзался я, глядя на уничтожительную работу мощной техники; слушая, как машина периодически громко и жалобно взвизгивает несмазанным катком: «Уа-а-у! Уа-а-у!»

Мне было ужасно жаль «Утиноного приюта», жаль уток, которые вернутся на будущий год и вместо чистого озера увидят унылые дренажные канавы. Жаль было водяных букашек, похороненных заживо, жаль кустиков ясноглазых незабудок – любимого цветка моей мамы, – и кустов красной смородины, и черёмухи, и рябины, и себя. Почему-то было жаль и это чудовище С-100, жалобно кричащее голосом умирающей экзотической птицы – оно ведь тоже медленно умирает у меня на глазах. Вспомнилась техно-

кратическая мудрость, казавшаяся раньше абсолютно дурацкой: женщина любит ласку, а машина – смазку. Жалко было мне и бульдозериста, тупо покачивающего головой в такт трактору и машинально двигающего руками – он-то за что страдает в грохоте, в копоты, в духоте кабины? Он-то в чем виноват? И я ещё на его голову свалился. Как его, беднягу, перекосило всего. Думал, наверное, что уснул за рычагами и впрямь задавил кого-то. Как это он удержался и не заехал мне кулаком по физиономии – имел полное право. Но больше всего мне было жаль сказочную птицу, крик которой будил меня по утрам почти всё лето, тревожил душу, разжигал фантазию, будил во мне чувства далёких предков, веривших в Бабу-Ягу и лешего.

* * *

Бульдозер рывкнул, выпустил густое облако чёрного дыма и замер. От неожиданной тишины зазвенело в ушах, будто невидимая рука ударила в голубой колокол небес. Бульдозерист соскочил на землю и пошёл на другой край поляны. Там, на суку дерева, висела его «авоська» с обедом. Потом он подошёл ко мне и как ни в чем ни бывало предложил:

– Давай пожуём.

«Господи, слово-то какое – «пожуём». Будто мы не люди, а жвачные животные. Нет, раньше так не говорили, красивее говорили. Как это бабушка говаривала? «Идите вечерять или садитесь за стол, поправимся, чем Бог послал». А дед всегда говорил с лукавинкой:

– Давай заморим червячка, пострел, – или, – пойдём пошлычка-ем малость.

А чего это я на человека взелся? Он ведь от души предлагает, «чем Бог послал».

Я посмотрел на разложенный на газете «обед»: банка «завтрака туриста», банка рыбных фрикаделек в томате, гряздок зелёного переросшего лука, спичечный коробок с солью и чуть побольше полбуханки серого закального райпотребсоюзовского хлеба – грешно отказываться от таких «разнослов», обидеть человека можно.

– Ох, черт, – спохватился бульдозерист, – нож в куртке, в кабине оставил.

Я нехотя потянулся к поясу, вынул из ножен свой «ножик» и сказал, делая на лице улыбку:

– Ну, давайте заморим червячка.

– Во-во, – живо откликнулся работяга, полюбовался ножом и

принялся расковыривать банки с консервами. – Мой дед так же говорил, «заморим, мол, червячка». До сих пор не пойму, почему так говорят. Смысл дураку ясен, но почему именно червячка? Мы ведь люди, а не рыбы, чтобы червячка морить.

– Очень просто, – оживился я и высказал свою мысль о наследственной передаче информации и идей от предков. – Представьте себе, будучи ещё земноводным существом, наш доисторический предок, увидев червяка, думал: «Сейчас червячка заморю!»

– Ххы-ы, – поперхнулся от смеха мой собеседник.

Прокашлявшись, он возразил:

– Нам, вроде, в школе говорили, что человек от обезьяны произошёл, а не от лягушки.

– А обезьяна? – вопросом на вопрос ответил я и добавил: – Все мы от водорослей, от воды, от травы, от земли произошли.

– Ну-ну, – «нукнул» бульдозерист, активно перемалывая лук жёлтыми от курева зубами.

«Ну-ну, ври, мол, дальше. Читай мораль. Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь? – говорили его усталые, воспалённые до красноты глаза. – С меня, где сядешь, там и слезешь. Это моя работа. Делаю, что прикажут, а на остальное, хоть и не наплевать, но бессонницей от угрызения совести я не страдаю».

А скорее всего, он ни о чём не думал, просто ел.

– Ешь, – будто угадал мои мысли бульдозерист.

Он мне говорил «ты», я с ним разговаривал на «вы», не из шепетильности – из уважения к его натруженным рукам. А вообще-то, похоже, мы с ним – сверстники.

– Хочешь анекдот расскажу.

Вот про эту самую консерву? – спросил он. У него явно было хорошее настроение.

– Расскажите, – кивнул я.

– Это даже не анекдот. Жена говорит, на самом деле случай был.

И он рассказал бородатый анекдот о том, как маленький мальчик, стоя с мамой в очереди, просил её купить красную рыбу. Красной рыбой он называл кильку в томате.

Когда я в первый раз услышал этот анекдот, тоже смеялся от души над здоровым народным юмором, а сейчас так и хотелось прошипеть:

– Скоро и кильки не будет, если мы всё вот так, как здесь, искурочим!

Не зная, куда деть руки, я сунул их в карманы штормовки. Под руку попали огурцы – два огурца, которые сорвал утром мимоходом в парничке под окном, чтобы «позавтракать» по дороге, но забыл про них. Нашёлся прекрасный повод сменить тему разговора.

– Ой, ёлки-палки, – наигранно засмеялся я, – совсем забыл. Вот попробуйте-ка. Утром из парника сорвал.

– О, огурчики – это хорошо. Я давно доморощенных-то не ел. У нас в парнике уже года четыре, как завелась какая-то зараза. Грибок какой-то, говорят, что ли. Как третий лист пойдёт, так стебель перегнивает у самого корня и – с копыт долой. Чего только не делали, какой только заразой не поливали, посыпали – не растут ни черта, хоть голым задом в парник садись!

«Скоро ещё и не то будет, если вот так-то будем, как здесь», – снова хотел вернуть шпильку я, но передумал – что толку? – и полюбопытствовал:

– А почему вы работаете сегодня, в выходной день?

Он не удивился моему вопросу, будто мы с ним работали в одной организации и знали, кто, когда и как работает.

– Отгул зарабатываю, – пояснил он коротко и просто, – со следующей недели охота начинается. Надо пару отгульчиков заработать – уток пострелять. Ты не охотник?

– Нет, – снова озлобился я: последнее добивают! Гады!

– Чего ж тогда по лесу шляешься, под гусеницы кидаешься? – незлобиво подцепил он меня. – Лесник, что ли, новый? Что-то я раньше тебя тут не видел.

– Из зоны сбежал, – решил нехорошо пошутить я и, ухватив нож, с размаху всадил его в опустевшую консервную банку. Остатки томатного соуса брызнули мне в лицо.

– Ххы-хы, ххы-хы, – снова закашлялся от смеха бульдозерист. Моя дурацкая выходка привела его в восторг. Надо бы и мне рассмеяться вместе с ним и тем самым исчерпать утренний инцидент, но я ещё больше разозлился, теперь уже на себя.

«И чего это я на парня окрысился, – думал я, остывая и вытирая ладонью лицо, – он своим ружьём и сотой доли того вреда не нанесёт, сколько бульдозером натворил. Он такая же пешка, как и я.

* * *

Через год, весной, я опять услышал тот истошный «птичий» крик. Он доносился с южной стороны города. Глупо, но я снова пошёл туда, на «крик».

Тот же парень, на том же бульдозере утюжил будущую строительную площадку. Бульдозерист

Что я сделал, чтобы предотвратить это истребление? Ничего. Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы прекратить вот это безобразие здесь, на «Утином приюте»? Сейчас же пойду домой и напишу разгромную статью в районную газету. Районная газета не даст эффекта – в область напишу. Если область не поможет... Не поможет! Ни область, ни Москва не помогут. Москва, всем известно, слезам не верит. Так что и нечего петушиться... А может быть, и к лучшему, – на меня вдруг накатилась волна пессимизма. Я почувствовал себя гадким утёнком. Может быть, и к лучшему: получить на взлёте горсть горячего свинца и упасть безжизненным куском мяса в осок, чем, вернувшись сюда через год, увидеть вместо «Утинового приюта», вместо родного гнезда зияющую рану, где всё вырвано с корнем, с кровью. Вот сейчас этот добродушный парень, работяга, мой сверстник снова двинет мощный бульдозер вперёд, а я брошусь под гусеницы, как под вражеский танк, и выдохну из себя с предсмертным криком жизнь. Пусть весь мир услышит, пусть остановится, задумается, поймёт... Господи! Какая наивность! Неужели не ясно: ЭТО в одиночку не остановить! Человек прожорлив, как личинка колорадского жука. Он съедает землю, из которой растёт сам...»

увидел меня, узнал, остановил машину и, смеясь, крикнул:

– Привет! Опять под гусеницы кидаться пришёл?

«Надо же, какая у него хорошая память на лица», – позавидовал я.

– Здравствуйте! Что, выгнали вас из леса?

– Не просто выгнали, вообще нашу шарашку расформировали.

«Слава Богу, проняло всё-таки, наконец!»

– Как охота?

– Да ну её! – скривился он. – Бросил я охоту. Не стало ни дичи близко, ни зверя – одни вороны. Хочу рыбалкой заняться.

– Приходите ко мне, я вам свои снасти отдам, – предложил я.

– А чо вдруг? – удивился парень.

– Да вот, решил рыбалку бросить, – усмехнулся я.

– А чо?

– Да ну её, одни ерши, и те – с мизинец.

– Нет, ты это серьёзно про снасти-то, что ли? Я бы взял, а то сейчас в магазинах ни черта не достанешь.

– Серьезно, – вздохнул я, мысленно расставаясь с любимым увлечением. И я назвал свой адрес.

Он пришёл ко мне с бутылкой. Познакомились поближе. Я подарил ему свои любимые удилица и остальные снасти. Он несказанно обрадовался, сто раз поблагодарил и... Пригласил на рыбалку. А я уже года два, как не ходил на рыбалку, но тут, «под этим делом», согласился.

С тех пор мы дружим. Иногда ходим на ночёвки, печём картошку, когда ерши не клюют. Он вспоминает охоту, я – рыбалку. В такие минуты мне чудится, что мы с ним давно знакомы, что всё это с нами уже когда-то было, что мы вот так же грелись у костра, хлебали деревянными ложками стерляжью уху. А по лесу кружил леший и плакал: «Уа-а-у! Уа-а-у!» Только я тогда не понимал, чего это он, сердешный, плачет. Думал, пугает нас, потешается от скуки.